
Рафаел Месропян
Ռաֆայել Մեսրոպյան
Пока я здесь
Քանի դեռ այստեղ եմ

Рафаел Месропян
ПОКА Я ЗДЕСЬ

https://litres.ru/74699413
SelfPub; 2026

Аннотация

Мы не выбираем, где родиться, в какой семье появиться на свет и какие испытания встретятся на нашем пути. Но однажды перед каждым возникает вопрос: что я делаю с жизнью, которая мне досталась?

«Пока я здесь» — заключительная книга философской трилогии Рафаела Месропяна.

Это откровенный разговор о взрослении, свободе выбора, любви, времени, внутренних противоречиях и людях, среди которых мы становимся самими собой. Через личные воспоминания, жизненные наблюдения и философские размышления автор ищет ответы на вопросы: кто управляет нашими поступками, ради чего мы живём и что оставляем после себя?

Здесь нет готовых истин и нравоучений. Автор приглашает читателя размышлять, сомневаться, спорить и находить собственные ответы.

Я не выбирал начало. Но пока я жив, я выбираю, что делать с доставшейся мне жизнью.

Рафаел Месропян
ПОКА Я ЗДЕСЬ

РАФАЕЛ МЕСРОПЯН
ՌԱՖԱՅԵԼ ՄԵՍՐՈՊՅԱՆ
ПОКА Я ЗДЕСЬ
ՔԱՆԻ ԴԵՌ ԱՅՍՏԵՂ ԵՄ
Заключительная книга философской трилогии
Փիլիսոփայական եռագրության երրորդ գիրքը
© Месропян Р., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ
ГЛАВА ВТОРАЯ. МИР УЧИТ МЕНЯ ЖИТЬ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НО Я ЖЕ ЕСТЬ СРЕДИ ВАС!
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ТЕПЕРЬ Я ВАМ ПОКАЖУ!
ГЛАВА ПЯТАЯ. ОДНА ЛЕСТНИЦА — РАЗНЫЕ ПУТИ
ГЛАВА ШЕСТАЯ. НЕ ТОРОПИ ВРЕМЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДВА ВОДИТЕЛЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ОТ ОЩУЩЕНИЯ К МИРОВОЗЗРЕНИЮ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. В ОТРАЖЕНИИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. КАК НАМ ЖИТЬ ВМЕСТЕ?
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. КТО ДИРИЖИРУЕТ ОРКЕСТРОМ?
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. КУДА УХОДИТ ПРОЖИ-

ТОЕ?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ЧТО ОСТАЁТСЯ ПОСЛЕ МЕНЯ?

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ

Слушайте, вот с какой вещи я хочу начать.

Все мы любим рассуждать о свободе человека. Сами строим судьбу, сами выбираем дорогу, каждый — кузнец собственного счастья. Красиво звучит. А я на это отвечаю: подождите, дорогие мои. Давайте сначала выясним, что именно нам позволили выбрать.

Вы родились. Всё. Никто не пришёл к вам с анкетой: в какой семье желаете появиться, на каком языке разговаривать, в какой стране жить, какое тело получить? Родителей тоже не выбирали. Даже дату рождения не согласовали. А потом проходит лет двадцать, и вам уже объясняют, что вы полностью отвечаете за то, кем стали. Да с какой стати «полностью»? Давайте хотя бы начало вспомним!

Я родился в Советском Союзе, в армянской семье, вырос в Арцахе. Мой дом, моя деревня, родная речь, люди вокруг — для маленького меня это был не один из вариантов жизни, а сама жизнь. Я не сравнивал её с другими мирами. Мне не приходило в голову, что можно родиться в совершенно иных обстоятельствах и считать столь же естественными другой язык, другие обычаи и другую веру. А потом исчезло государство, в котором я появился на свет. Потом война распорядилась многим из того, чем я вовсе не собирался ей усту-

пать.

И вы хотите убедить меня, что человек сам выбирает всю свою судьбу?

Нет. Я в это не верю. **Начало человеку не принадлежит.** Вот моя исходная позиция. Но, прежде чем вы решите, будто я предлагаю всю жизнь жаловаться на обстоятельства, дослушайте. Потому что дальше начинается самое интересное: что человек делает с тем, чего он не выбирал?

Что нам достаётся

Мне давно нравится один образ — флешка. Представьте, что человек появляется на свет с каким-то первоначальным набором особенностей. У одного младенца один темперамент, у другого другой; один тянется к движению, другой спокойно наблюдает, третий проявляет способности там, где их от него совсем не ожидали. Откуда это всё? Наследственность, устройство организма, развитие мозга — конечно, всё это имеет значение. Я не собираюсь выдавать метафору за научное открытие. Говоря «флешка», я пытаюсь увидеть общую картину, а не объявить, будто внутри младенца лежит маленький электронный накопитель.

Смешно, конечно: собрался писать о душе и человеке, а пришёл к флешке! Но я живу в своё время и объясняю теми образами, которые мне доступны. В десятом веке, наверное, выбрал бы другой. Через тысячу лет какой-нибудь читатель посмотрит на это слово и скажет: «Рафаел, дорогой, что за древняя техника?» Ничего страшного. Пусть увидит мысль,

а не устройство.

Так вот, я думаю, что мы получаем определённые исходные данные. Какие именно — не знаю до конца. И вот именно потому, что не знаю, не стану утверждать лишнего. Но отрицать различия между людьми с самого начала тоже не собираюсь. Мы ведь видим их собственными глазами. Вопрос в другом: сколько в человеке того, что ему досталось, а сколько того, что он приобрёл?

Я хочу рассказать вам одну вещь, которую помню с детства.

Меня неудержимо тянуло читать. Уже поздно, взрослые говорят: хватит, спать пора. А мне хочется узнать, что будет на следующей странице. И я залезаю под одеяло с фонариком. Фонарик отбирают, я расстраиваюсь, иногда до слёз. Не потому, что мечтал нарушить режим. Не потому, что специально хотел довести взрослых. Мне было интересно! Я ещё не умел извлекать из чтения карьерную пользу, не составлял список книг для будущей биографии. Я просто не мог оторваться.

И вот попробуйте теперь объяснить мне, откуда взялось это желание. Почему одного мальчишку не вытащишь со двора, другого — из мастерской, а меня — из книги? Воспитание? Возможно. Врождённая склонность? Тоже возможно. Сочетание причин? Скорее всего. Но само любопытство я помню совершенно отчётливо. Оно было моим, ещё до всяких взрослых расчётов.

Самое забавное, что с годами оно никуда не делось. До сих пор иногда хочется заглянуть в замочную скважину, даже если понимаешь: с той стороны могут ткнуть пальцем в глаз. Ну а что поделаешь? Мне интересно знать, что там!

Если бы я стал описывать себя исключительно через должности, доходы и достижения, вы бы этого мальчишку не увидели. А он никуда не исчез. Может быть, именно благодаря ему я и сижу сегодня над этой книгой. Не ради очередной строчки в биографии, а потому что мне снова хочется разобраться.

Меня сформировали. И что теперь?

Теперь представьте ребёнка, который появляется на свет с таким условным первоначальным набором. Он ещё не знает ни одного слова. А вокруг уже готов целый мир. Родители разговаривают, спорят, мирятся, трудятся. Соседи показывают, как принято жить. Старшие объясняют, что можно, а чего нельзя. И ребёнок начинает повторять.

Никто не спрашивает его: согласен ли ты усвоить именно эту культуру, эти привычки, это отношение к людям? Он пока и согласиться-то не умеет. Он учится жить в том мире, куда попал.

Вот здесь мне становится особенно интересно. Когда люди говорят «я такой от природы», мне хочется спросить: а ты уверен, что это от природы? Может быть, ты просто тысячу раз видел, как поступали дома, и теперь называешь привычку характером? А когда говорят «меня таким воспитали»,

хочется спросить: а ты сам-то где? Ты собираешься до конца жизни жить лишь по чужой инструкции?

Я не могу провести точную границу между врождённым и приобретённым. Не умею, да и наука не сводит это к одной черте. Но я убеждён в другом: **человек не обязан навсегда оставаться только тем, что в него вложили.** Именно здесь появляется смысл нашего собственного пути.

Моё поколение видело, как меняется даже то, что кажется незыблемым. Государство, правила, представления о будущем — вчера одно, сегодня другое. А ты живёшь внутри этих перемен. Не можешь приказать истории: «Подождите, я ещё не закончил детство». Приходится приспосабливаться, принимать решения, ошибаться, иногда начинать заново.

В моём случае это не отвлечённая задача из учебника. Я учился жить в одном мире, а взрослеть пришлось уже в другом. Арцах остался родным, но война и переезд заставили осваивать новые правила. Можно сколько угодно рассуждать о том, как человек должен вести себя в подобных обстоятельствах, сидя за письменным столом. А когда ты оказался вдали от дома и тебе надо идти работать — проверка происходит без предупреждения и без права отложить её до понедельника.

Вот почему я так настороженно отношусь к словам «он сам виноват во всём, что с ним случилось». Нет, дорогие мои. Случилось — далеко не всё по его воле. А вот что он сделал после случившегося, как обошёлся с людьми, как по-

пытался подняться, — об этом уже можно разговаривать серьёзно. **Не надо путать доставшееся человеку испытание с его ответом на него.**

Но я не люблю слово «приспособиться», если под ним понимают отказ от себя. Для меня это скорее способность выжить и продолжить движение в новых условиях. Дерево может гнуться под ветром и при этом оставаться деревом. Хотя, конечно, не всякий ветер оно выдержит. Человек тоже не всемогущ. Я это знаю не по учебнику.

И вот смотрите, какое противоречие. Начало нам дали без спроса. Первые представления вложил окружающий мир. Но постепенно в нас появляется способность задавать вопросы уже самому этому миру. «Почему так? Кто решил? А можно иначе?» И если человек никогда этих вопросов не задаст, он так и проживёт, не отличая собственные убеждения от полученного наследства.

Я не предлагаю непременно спорить с родителями, отвергать традиции или ради красивого слова «свобода» рушить всё вокруг. Это слишком примитивно. Можно унаследовать замечательные вещи. Я сам несу в себе многое из того, чему научили меня отец, семья, родная земля. Но уважать полученное — не значит отказаться от права его осмыслить.

В детстве меня никто не спрашивал, хочу ли я быть армянином. Сегодня я знаю, кто я, и это часть меня. Между этими двумя состояниями — целая жизнь. В первом случае мне достался факт. Во втором я уже способен думать, что он для

меня означает. Чувствуете разницу?

Где начинается моё «я»?

Человеку удобно рассказывать о себе задним числом: здесь я всё правильно рассчитал, там проявил характер, потом судьба наградила за труд. А я бы не стал так уверенно раздавать себе дипломы. Я принимал решения из той точки, в которой тогда находился. Чего-то не знал, чего-то боялся, в чём-то ошибался. Не мог видеть всю дорогу заранее. Никто не может.

Зато могу сказать, за что готов отвечать сегодня. За то, что делаю с доставшимися мне возможностями. За то, как отношусь к людям. За то, чему учусь. И за то, что порой из одного упрямства отказываюсь пересматривать свои взгляды. Я не выбирал исходных условий — но это ещё не повод превращать их в пожизненное оправдание.

Вот моё убеждение: **не спрашивайте с человека того, чего он не выбирал; спрашивайте, что он сделал там, где у него действительно появился выбор.** И прежде всего я обращаю этот вопрос к себе.

Представьте, что вам досталась чужая квартира. Стены, окна, расположение комнат — всё уже существует. Вы не проектировали дом. Но теперь вы в нём живёте. Можно всю жизнь проклинать планировку. Можно понемногу устроить пространство по-своему. Только не надо путать эти две вещи: вы не построили исходный дом и не лишены права обустраивать собственную жизнь.

Собственно, о человеке я думаю похожим образом. Что-то дано, что-то приобретено, что-то отнято обстоятельствами. И тем не менее в определённый момент внутри появляется голос: «А я-то чего хочу? Я сам что считаю правильным?»

И теперь, дорогие мои, возникает следующий вопрос. Если ребёнок ещё не умеет выбирать, а окружающие уже вовсю формируют его представления, чему именно они его учат? И всегда ли тому, что произносят вслух?

Вот с этого, пожалуй, и начнём следующий разговор. Потому что **мир воспитывает нас прежде, чем мы научимся возражать.**

ГЛАВА ВТОРАЯ. МИР УЧИТ МЕНЯ ЖИТЬ

Есть выражение: «Не воспитывайте детей — воспитывайте себя». Когда впервые его услышал, усмехнулся. Как это не воспитывайте? А кто тогда будет? Сосед, телевизор, улица? Может, вообще ребёнку инструкцию выдать и на этом закончить?

Но чем дольше живу, тем отчётливее вижу: в этих словах гораздо больше смысла, чем в сотнях правильных родительских наставлений. Потому что ребёнок учится не только по тому, что мы говорим. Он учится по тому, как мы живём. И иногда наша жизнь объясняет ему прямо противоположное тому, чему мы так убедительно учили вчера.

Вообразите простую сцену. Отец строго говорит сыну: «Врать нельзя. Всегда говори правду». А потом раздаётся

телефонный звонок, и отец просит передать, будто его нет дома. Я не рассказываю сейчас историю о конкретном своём знакомом; это обычный пример, который любой легко представит. Но вот вопрос: чему научился ребёнок? Словам «врать нельзя» или исключению «можно, когда взрослому неудобно»?

Не торопитесь оправдывать отца. Я не суд устраиваю. Я хочу понять, почему взрослый требует от ребёнка твёрдых принципов, а собственную житейскую хитрость считает пустяком. И у меня здесь вполне определённая позиция: **нельзя требовать от детей того, чего сам не собираешься придерживаться.** Можно, конечно, требовать. Только не удивляйтесь потом результату.

Пять пальцев

Нас в семье было пятеро детей. И отец оставил мне объяснение, которое я помню спустя десятилетия, хотя никаких тетрадей с его педагогическими лекциями не сохранил.

Он раскрывал ладонь. Пять пальцев. Все разные: большой, указательный, средний, безымянный, мизинец. Каждый на своём месте. А затем показывал, что происходит, когда пальцы сжимаются в кулак. Сила уже другая. Так он говорил о семье: вы разные, но держитесь вместе.

Представляете, какая простая вещь? Всего лишь рука. А я и сегодня возвращаюсь к этому образу. Значит, попал отец куда надо. Запомнил ведь!

Причём обратите внимание на тонкость: пальцы не стано-

вились одинаковыми. Мизинец не пытался изображать большой, а большой — мизинец. И когда я слышу, как люди требуют единства, подразумевая полное сходство мыслей, мне хочется раскрыть перед ними ладонь. Вы что, дорогие мои, хотите руку с пятью одинаковыми пальцами? И что вы ею делать будете?

Единство — не одинаковость. Я в этом убеждён. И убеждён не потому, что прочитал философский трактат, а потому, что отцовская рука прожила со мной всю жизнь. Пожалуйста, спорьте. Только сначала попробуйте объяснить, чем крепче семья, где все боятся иметь собственное мнение, чем семья, где разные люди умеют держаться вместе.

Но тут история становится сложнее. Тот же отец, который учил нас самостоятельности, мог остановить мой собственный способ решения задачи. Однажды он дал мне норму работы на земле. Я договорился: работу выполняю, но не надо стоять над душой; закончу — свободен. А затем нашёл способ справиться быстрее: позвал друзей. Работу сделали сообща, времени потратили гораздо меньше, освободились для детских радостей. Мне казалось, всё безупречно: результат есть, условие выполнено. Отец посмотрел на это иначе. Если друзья помогают, значит, для них тоже найдётся работа.

Вот тебе и прекрасная организация труда!

Эту историю мы подробнее ещё разберём, когда заговорим о появлении собственного «я». А сейчас она важна по другой причине. Отец не был картонным мудрецом, кото-

рый на каждую ситуацию выдавал безупречный ответ. Он был живым человеком со своими убеждениями. И я — живой мальчишка — мог с ним не согласиться. Даже сегодня я считаю, что способ мы нашли хороший. Это не мешает мне понимать, что отец, возможно, хотел научить меня не одной только скорости выполнения работы.

Воспитание вообще редко бывает чистой схемой. В нём сталкиваются характеры. И если вы хотите вырастить человека, не удивляйтесь, когда у него однажды обнаружится характер.

Два воспитателя в одном доме

Я предлагаю посмотреть на любую семью без праздничных фотографий и красивых речей. Вот родители объясняют детям, что нужно уважать людей. А как они разговаривают между собой? Как относятся к пожилым родственникам? Что говорят о человеке, который вышел за дверь? Держат ли данное слово? Не требуют ли от младшего извинений за то, за что сами никогда не извиняются?

Иногда ребёнок ещё не умеет выразить своё впечатление словами. Но видит. Запоминает. Потом повторяет. И мы удивляемся: «Откуда это у него?» Да оглянитесь вокруг — может, с кого-то очень близкого он и списал эту манеру.

Я не считаю ребёнка обычной копировальной машиной. У него свои склонности, характер, и один и тот же пример дети воспринимают по-разному. Нас пятеро росло в одной семье, но одинаковыми мы не стали. И всё-таки поступки взрослых

имеют вес. Они не гарантируют готового результата, зато постоянно дают материал для подражания.

Вот почему я считаю: у ребёнка есть как будто два воспитателя. Один говорит ему, как положено. Другой — каждым своим днём показывает, как на самом деле поступают взрослые. И второй часто оказывается сильнее первого. Это неприятно слышать? Возможно. Но я ведь не для того пишу, чтобы взрослым было удобно.

И мне самому здесь некуда спрятаться. Я отец. Много лет был руководителем. Мог требовать, торопить, раздражаться, когда люди не выполняли договорённости. Да, у меня есть принципы. Но я не собираюсь изображать человека, который всю жизнь им безупречно следовал. Я пересматривал собственные реакции, иногда слишком поздно замечал, что погорячился. И окружающие видели меня не только в минуты, когда я был прав.

Когда ребёнку объясняешь правила, он может кивнуть. Когда сам нарушаешь их у него на глазах, спорить уже поздно. Твоё поведение тоже стало уроком. Может быть, даже главным.

А самого воспитателя кто воспитал?

Есть у меня другой вопрос. Допустим, родители воспитывают ребёнка. Хорошо. А сами родители откуда получили свои привычки и представления? От своих родителей. А те от кого? И так можно идти назад очень долго.

Мы передаём по наследству не только фамилию, язык и

семейные рецепты. Мы передаём страхи, обиды, способы разговаривать, привычку доверять или подозревать, представление о том, что мужчина и женщина «обязаны» делать, как старший должен обращаться к младшему. Иногда человек искренне считает что-то непреложным законом жизни — просто потому, что с детства видел только так.

Я родился в Советском Союзе. Окружающий порядок воспринимался естественным, пока не стал меняться на глазах. Потом была война, переезд в Башкирию, новая среда. И я увидел: то, что в одном месте кажется единственно возможным, в другом даже не обсуждают. Люди прекрасно живут иначе. Что теперь — объявить чужое неправильным? Или отказаться от своего, едва увидел другое? Ни то ни другое мне не подходит.

Я убеждён: **получить убеждение в наследство — ещё не значит принять его сознательно.** Пока человек не попробовал сравнить, осмыслить, спросить «почему?», у него может быть лишь привычка. Не обязательно плохая, но всё-таки привычка.

Ведь и с той самой «флешкой» дело обстоит не так просто. На первоначальное накладывается всё, что ты видел и слышал. Накладывается опыт родителей, хотя и они когда-то получили его от других. Получается целая эстафета: одно поколение передаёт следующему не законченную истину, а собственную попытку разобраться в жизни.

Я дорожу тем, что получил от семьи и своего народа. Но

уважать предков не означает отключить собственный разум. Я бы даже сказал жёстче: если человек ни разу не спросил себя, почему придерживается унаследованных правил, он ещё не выяснил, его ли это убеждения.

Самостоятельный ребёнок — неудобный ребёнок

Теперь подходим к самому неприятному месту для нас, взрослых.

Мы говорим: «Хочу, чтобы мой ребёнок вырос самостоятельным». Прекрасно. А когда ребёнок начинает решать самостоятельно, выясняется, что у него другие планы. Учиться хочет не там, где вы выбрали. Работать — не тем, кем представляли. Согласен далеко не со всеми вашими советами. И вот родители возмущаются: «Мы для тебя всё сделали, а ты нас не слушаешь!»

Подождите. Так вы хотели самостоятельного человека или человека, который всю жизнь будет исполнять ваши решения? Вы уж определитесь!

Я прекрасно понимаю желание уберечь ребёнка от ошибок. Сам знаю, как хочется сказать: «Не ходи туда, я уже там был, знаю, что будет». Но я прошёл свою дорогу, а ему предстоит его. Мой опыт может пригодиться, но не может полностью заменить его собственный.

И не надо понимать меня примитивно: будто ребёнку нельзя запрещать опасное или учить отвечать за поступки. Наоборот. Без ответственности самостоятельность быстро превращается в каприз. Я говорю о другом. Мы должны вы-

растить человека, способного выбирать, понимать последствия и, если надо, возражать даже нам.

Сформулирую так, чтобы не было недоразумений: **цель воспитания — не вырастить послушную копию самого себя, а помочь другому человеку однажды обойтись без твоих указаний.** И да, иногда это будет неприятно. Никто не обещал, что хороший результат воспитания всегда удобен воспитателю.

Я снова вижу перед собой отцовскую ладонь. Пять разных пальцев, одна рука. Но у каждого ребёнка — своя голова, своя жизнь. Отец мог показать нам образ единства. Не мог прожить за нас наши жизни. И слава богу, что не мог.

А теперь у меня вопрос к читателю. Особенно к тому, кто любит произносить: «Я всю жизнь положил на воспитание детей!»

Если завтра ваш ребёнок станет в точности таким, каким вы являетесь сегодня, — вы будете довольны? Не таким, каким кажетесь гостям. Не таким, каким хотите выглядеть в социальных сетях. А тем, каким бываете дома, на работе, в разговоре с человеком, от которого ничего не зависите.

Вот то-то и оно. **Пока мы объясняем детям, как надо жить, они уже смотрят, как живём мы.**

И однажды среди этих взглядов, наставлений, чужих правил появляется ещё один голос. Сначала тихий, потом всё настойчивее: «Подождите. А я? Я же тоже здесь есть!»

Вот тогда воспитание перестаёт быть односторонним раз-

говором. И начинается настоящее взросление.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НО Я ЖЕ ЕСТЬ СРЕДИ ВАС!

А теперь представьте картину. Взрослые собрались, всё обсудили и решили, как ребёнку надо жить. Вот это можно. Это нельзя. Этому научись. Сюда не ходи. Старших уважай. Не спорь. Особенно не спорь, когда взрослые уже всё решили.

И вдруг маленький человек поднимает голову и спрашивает: «А почему?»

Вот ведь беда какая! Столько лет его растили, всему учили, а он, оказывается, не собирается всю оставшуюся жизнь только кивать. И взрослые порой принимают это «почему» чуть ли не за объявление войны.

— Ты что, самый умный?

А он, может, и не считает себя самым умным. Он просто обнаружил, что у него есть собственная голова, и решил ею воспользоваться. Я, между прочим, такой момент прекрасно понимаю. Потому что у меня с желанием делать по-своему отношения давние.

Лопаты, друзья и первая экономическая реформа

В детстве в деревне у нас было достаточно работы. Не думайте, будто мальчишка целыми днями лежал с книгой под одеялом. Землю тоже приходилось копать. И вот отец мог дать мне дневное задание — допустим, вскопать сотку. Сотка — сто квадратных метров. Кто никогда не держал лопату, пусть попробует хотя бы представить: солнечный день, дру-

зья где-то рядом, речка зовёт, а ты должен несколько часов переворачивать землю.

Ну какой нормальный мальчишка от такого придёт в восторг? Я точно не пришёл.

Зато начал считать. Если копать одному, уйдёт, скажем, около трёх часов. А что, если организовать работу иначе? Но сначала договорился с отцом: норму выполняю, только ты не стоишь рядом и не контролируешь каждую минуту. Как закончу — я свободен. Договорились.

Отец уходит, а я зову друзей. Берёмся вместе — и через двадцать-тридцать минут работа готова. Вот и всё! Задача решена, можно идти играть, купаться, заниматься собственными делами. Я в душе чуть ли не орден себе вручил за организацию труда.

И ведь до сих пор считаю, что нашёл отличное решение. Заметьте: не отказался работать, не бросил лопату, не сбежал. Выполнил задание быстрее, объединив людей. У меня был результат, а у друзей — свободное время вместе со мной.

Но отец оказался наблюдательным. Через несколько таких случаев заметил, что моя норма выполняется уж слишком бодро. А однажды застал нас за работой. И объявил: раз друзья пришли помогать, у каждого будет своя норма.

Представляете?! Вся моя блестящая система организации труда рухнула в одну минуту. Я-то уже мысленно руководил коллективом, а отец одним решением увеличил производ-

ственный план!

И вот что интересно. В детстве я был убеждён: меня остановили несправедливо. Отец дал результативную задачу — я её выполнил. Сегодня я могу понять и его возможную цель: он хотел, чтобы сын не только получил результат, но сам приложил определённое усилие, научился терпению и труду. Мы смотрели на одно дело с разных сторон.

Но давайте я сразу скажу одну важную вещь. **Понимать позицию другого не значит отказываться от собственной.** Я по-прежнему считаю, что придумал хороший способ выполнить работу. И то, что мой отец видел в этом другую педагогическую задачу, не делает мою находку глупостью.

Знаете, мне иногда кажется, что именно здесь люди и путаются. Если ты сегодня увидел правоту собеседника, то будто обязан немедленно объявить себя неправым. А почему? Мы можем смотреть на разные стороны одной ситуации. Иногда — действительно спорить о том, что важнее. И при этом каждый сохраняет право думать.

Мне не нужно задним числом выигрывать спор с отцом. Он выиграл его тогда вполне конкретно: норму изменил. Но из этого случая я вынес не только обиду, которая потом стала смешным воспоминанием. Я вынес привычку искать иной способ.

А кто вам сказал, что по-другому нельзя?

Вот этот вопрос со мной всю жизнь. Не потому, что мне доставляет удовольствие делать наперекор. Если разумно —

я умею согласиться. Но когда слышу «всегда делали только так», мне хочется спросить: «И что? Это теперь закон природы?»

Понимаете разницу между непослушанием и самостоятельностью? Один человек нарушает правило, потому что ему лень. Другой пытается понять, зачем это правило существует, и ищет способ достичь результата лучше. Внешне оба не выполнили указание буквально. Но мотивы и последствия могут быть совершенно разные.

Я не предлагаю объявить всякое нарушение правил гениальным открытием. Бывают правила, написанные после очень дорогостоящих ошибок. Прежде чем ломать, неплохо разобраться. Но столь же опасно считать само наличие правила доказательством его безусловной правильности.

Вот представьте класс из тридцати детей. Один учитель, одна доска, одинаковые сорок пять минут. А теперь попросите каждого рассказать, что он вынес из урока. Думаете, получите тридцать одинаковых ответов? Да ничего подобного! Один запомнит формулу, другой — историю учителя, третий заинтересуется вопросом, который вообще остался без ответа. А четвёртый, возможно, всю половину урока смотрел в окно. Это ещё не даёт нам права объявлять его неспособным. Надо сначала понять, что у него в голове происходило.

И вот эти тридцать детей выходят во взрослую жизнь. Родители предлагают профессии. Знакомые советуют, как зарабатывать. Общество рассказывает, к какому возрасту что

«положено» иметь. И два слова начинают преследовать человека на каждом шагу: «Ты должен».

Должен хорошо учиться. Должен слушаться. Должен получить правильное образование. Должен соответствовать ожиданиям. А когда всё это закончится, оказывается, должен ещё и быть счастливым. По расписанию, желательно!

Но однажды человек задаёт вопрос: «А я чего хочу?»

Для меня это не вопрос избалованного ребёнка. Это начало серьёзного разговора с самим собой. Потому что нельзя всю жизнь прожить исключительно как выполнение чужих ожиданий и потом искренне удивляться, почему собственная жизнь кажется чужой.

Моё мнение — не диплом о безошибочности

Здесь я хочу поспорить уже с теми, кто слишком быстро объявляет себя свободным мыслителем. Ты сказал «я сам знаю» — и что? Это ещё не доказательство, что знаешь. И то, что ты противоречишь родителям, совсем не означает, будто мысль твоя глубокая. Иногда человек спорит из упрямства. Я характер люблю, но характер без ума может завести туда, откуда потом долго выбираться.

Я понимаю, почему старшие не всегда рады самостоятельности младших. У них есть опыт. Они видели последствия ошибок, от которых хотят уберечь ребёнка. Но и старший не становится непогрешимым только потому, что прожил на двадцать лет дольше. Возраст добавляет опыт, не выдаёт свидетельства на исключительное право быть правым.

И молодой тоже должен иметь мужество отвечать за собственное несогласие. Легко сказать «я не буду, как вы». Труднее объяснить, что предлагаешь вместо этого. Ещё труднее сделать — и принять последствия. Здесь я довольно строг. Хочешь самостоятельности? Прекрасно. Только не требуй, чтобы за каждую твою ошибку по-прежнему расплачивались окружающие.

Когда-то я услышал от отца и другое объяснение — про пять пальцев одной руки. Вспоминаю его теперь и улыбаюсь. Один и тот же человек показал мне ценность единства, учил самостоятельности и сумел одним решением остановить мою трудовую революцию. Противоречие? Конечно. Но люди вообще состоят из противоречий, и воспитание тоже. Мы учим ребёнка мыслить, а потом пугаемся его мыслей. Учим отвечать за себя, а потом никак не хотим отпустить.

Сейчас я могу одновременно уважать намерение отца и не менять собственного мнения о лопатах. Вот это, по-моему, взросление: не обязательно кого-то побеждать, чтобы иметь свою позицию. И не обязательно соглашаться, чтобы уважать человека.

Но одну вещь я хочу подчеркнуть особенно. **Собственный путь появляется не в тот момент, когда ты громко заявил о свободе, а в тот, когда начал принимать собственные решения и отвечать за них.** До этого всё может оставаться прекрасным разговором.

И поэтому я представляю следующую картину. Мальчиш-

ка стоит среди родителей, учителей, соседей, всех авторитетов, которые заранее знают, кем он должен быть. Слушает. Слушает. А потом поднимает руку:

— Подождите! Но я же есть среди вас!

Маленькая фраза. А за ней — целая будущая жизнь.

И вот когда это «я» наконец выпрямляется, ему становится мало права на собственное мнение. Возникает совершенно другое желание: «Ну хорошо. Сейчас я вам покажу!»

Вот здесь, дорогие мои, детские споры заканчиваются. Потому что взрослый мир отвечает очень просто: «Показывай. Только за результат отвечать будешь сам».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ТЕПЕРЬ Я ВАМ ПОКАЖУ!

Молодому человеку очень нравится произносить: «Я сам!» Я тоже любил. И вообще подозреваю, что в определённый момент эти два слова звучат внутри куда громче здравого смысла.

— Я сам знаю, куда мне идти.

— Сам разберусь.

— Вот увидите!

Прекрасно. Только жизнь — собеседник с довольно скверной привычкой. Она не аплодирует за уверенность. Ей подавай результат. Причём не тот, который ты представляешь вечером перед сном, а настоящий — со счетами, неудачами, чужими интересами и ответственностью.

Я познакомился с этой особенностью рано. В 1992 году оказался в Башкирии. Шла война, мир, в котором я вырос,

остался далеко и уже никогда не был прежним. У меня за плечами были школа, книги, мечты, какие-то знания. И всё это, конечно, часть меня. Но надо было жить. Работать. Зарабатывать.

Я начал грузчиком.

Попробуйте представить молодого человека, который любит рассуждать, читать, строить планы — и которому теперь нужно выполнять совершенно конкретную физическую работу. Тут не станешь перед мешком произносить философскую речь: «Я человек с богатым внутренним миром». Мешку, извините, совершенно всё равно. Его надо поднять и перенести.

И я работал. Потом стал экспедитором. Затем заместителем директора. В 1998 году открыл собственное предприятие. Перечислил за несколько секунд, как будто поднялся по ступенькам и всё. Но между этими словами — годы труда, решения, ошибки, знакомства, новые обязанности. Иногда трудные. Иногда очень интересные.

И главное, что я тогда понял: **никто не обязан считать тебя способным только потому, что ты сам в себя веришь.** Сначала сделай. А потом поговорим.

Кто отвечает за результат?

Когда работаешь грузчиком, у тебя определённая задача. Сделал — видно. Не сделал — тоже. Становишься экспедитором, и ответственность расширяется. Когда начинаешь руководить, происходит самое интересное: оказывается, недо-

статочно самому знать, как работать. Нужно добиться, чтобы общее дело состоялось благодаря усилиям разных людей.

Вот тут мне пригодилась старая история с лопатами. В детстве я уже знал, как быстро организовать друзей, чтобы выполнить норму и освободить время. Отец тогда не оценил мою экономическую мысль по достоинству. Но спустя годы это умение стало серьёзным инструментом. Только взрослую работу уже нельзя закончить словами «не получилось» и побежать купаться.

Если от твоего решения зависят другие люди, не получится спрятаться за свою независимость. Есть сотрудники. Есть договоры. Есть обязанности перед теми, кому обещал. И ответственность — вовсе не декоративная медаль на груди руководителя. Иногда это очень тяжёлая ноша.

И здесь мне хочется защитить одну простую мысль, которую я выстрадал собственным трудом. **Профессия, в которой вы встретили человека сегодня, ещё не рассказывает вам обо всём, на что он способен.** Я начинал грузчиком. Это была честная работа, и в тот момент она была нужна. Но ведь книги, которые я прочитал, мои способности, интерес к знаниям никуда не испарились оттого, что я носил тяжести. Я просто находился на таком участке своей дороги.

Представьте человека, который мог бы преподавать философию, а обстоятельства заставили его укладывать асфальт. От этого его ум стал меньше? Или асфальт хуже лёг потому, что у рабочего есть собственные философские мысли?

Я никогда не соглашусь измерять человеческое достоинство должностью. **Уважайте чужой труд и не путайте работу человека с пределами самого человека.**

Я много лет руководил людьми и хорошо помню собственное раздражение, когда договорились об одном, а на деле произошло другое. Человек кивнул, вроде всё понял, а потом выясняется, что задание выполнено не так. Иногда потому, что недобросовестно отнёсся. Иногда потому, что понял иначе. Но итог один: тебе надо решать проблему. Не философствовать о том, у кого богатый внутренний мир, а разбираться, как работать дальше.

И вот здесь у меня появилась принципиальная позиция. **Право принимать решения неотделимо от обязанности отвечать за последствия.** Если ты всё решил сам, не надо потом искать, кто виноват, когда дело пошло иначе. Да, бывают внешние обстоятельства. Да, не всё контролируешь. Но свою часть ответственности с себя снимать нельзя.

Я не хочу, чтобы это прозвучало как нравоучение успешного человека. Я сам ошибался. Иногда неверно оценивал обстоятельства, иногда слишком торопил, иногда полагался на расчёт, который жизнь спокойно перечёркивала. Но мне кажется нечестным рассказывать о самостоятельности только приятное, скрывая её цену.

До результата — упрямец. После — молодец

Есть одно наблюдение, которое за годы работы меня не раз забавляло. Пока человек только собирается сделать что-ни-

будь непривычное, вокруг немедленно находятся советчики.

— Куда ты лезешь?

— Кто тебе сказал, что получится?

— Ты что, умнее всех?

Потом, если получилось, те же поступки получают совершенно другие названия. Был упрямый — стал настойчивым. Был самонадеянный — стал смелым. Вчера говорили «зачем рискуешь?», сегодня «вот характер!». Удивительная способность общества оценивать замысел по известному результату.

Я не хочу делать из этого закон. Бывает, окружающие предупреждают совершенно обоснованно. И не всякого человека, который идёт против мнения других, надо считать героем. Но я точно знаю: если всю жизнь ждать одобрения на каждое самостоятельное решение, можно так и не начать ничего собственного.

И тут появляется опасность с другой стороны. Если перестать слушать вообще всех — превратишь самостоятельность в глухое упрямство. Отличить одно от другого трудно, особенно когда тебе двадцать и очень хочется доказать всему свету собственную правоту.

Вот я и задаю себе вопрос, который в молодости задавал реже: кому ты собираешься что-то доказать? И зачем?

Родителям? Соседям? Друзьям? Людям, которым до твоей жизни вообще нет дела? Иногда мы так увлечены демонстрацией собственных достижений, что забываем спросить

себя, действительно ли они нам нужны. Самое нелепое — потратить жизнь, показывая чужим людям, как хорошо ты умеешь жить.

Когда-то мне важно было добиться результата и доказать, что могу. Этот напор не был пустым: он давал мне силы работать, развивать дело, принимать ответственность. Я не собираюсь задним числом объявлять его плохим. Без него я, возможно, не прошёл бы свой путь. Но сегодня вижу: умение добиваться — не единственная мера человеческой жизни.

А победа вообще существует?

Представим предпринимателя. Он ставит цель, долго работает, берёт на себя риски. И вот наконец достигает того, чего хотел. Ура! Казалось бы, теперь можно остановиться, осмотреться, пожить. Но проходит немного времени — и появляется новая задача. Потом ещё одна. И так годами.

Сначала это интересно. Потом иногда превращается в привычку. Ты не успел почувствовать радость от сделанного, а уже спрашиваешь: «Что дальше?» Я знаю это состояние. Мой внутренний двигатель долго работал именно так.

С одной стороны, я не мыслю жизнь без целей. Мне интересно узнавать новое, учиться, работать, доводить дело до результата. С другой — я больше не хочу, чтобы каждое достижение становилось лишь ступенькой к следующей гонке. Зачем мне тогда сама жизнь? Для отчёта о преодолённых ступенях?

Вот представьте, что вам подарили путешествие по краси-

вой дороге. А вы всю поездку смотрели только на спидометр и в навигатор. В пункт назначения приехали, всё по плану. Только потом выяснилось, что вы почти ничего не видели. Можно ли назвать такую поездку удачной? Для доставки груза — возможно. А если смысл поездки был увидеть мир?

Именно тут различие между «я могу» и «мне нужно» стало постепенно приобретать для меня особое значение. Я могу работать ещё больше. Могу взять новый проект. Могу снова устроить себе бесконечную гонку. Но должен ли я? Это уже не вопрос моей способности, а вопрос моего выбора.

Только не надо понимать меня как человека, который уговаривает молодых отказаться от амбиций. Если у тебя есть дело — делай. Есть мечта — пробуй. Но не путай собственную цель с необходимостью постоянно демонстрировать кому-то свою ценность.

Я убеждён: **настоящая самостоятельность начинается не с фразы «я сам добьюсь», а со способности самому решить, чего вообще стоит добиваться.** Чувствуете, насколько это другой разговор?

В двадцать лет мне хотелось многое доказать. Сегодня интереснее понять, ради чего. И я не отрицаю того молодого Рафаела. Это я же. Просто у него было меньше опыта и больше желания нажать на газ. Иногда именно это помогало. Иногда дорого обходилось.

С возрастом начинаешь замечать, что далеко не все люди проходят эти этапы одновременно. Один уже в двадцать пять

живёт спокойно и обдуманно, другой в пятьдесят всё ещё участвует в соревновании, которого никто не объявлял. И кого считать отставшим? Смотря по каким часам мерить.

Вот тут мне хочется перейти к ещё одному образу. Представьте лестницу. По ней поднимаются разные люди — каждый своим шагом, со своими возможностями и своими причинами двигаться. Разве можно сравнить их жизни одним секундомером?

Мы привыкли спрашивать, кто выше поднялся. А я предлагаю сначала разобраться: **по одной ли лестнице мы вообще идём и обязаны ли приходить на ступени в один возраст?**

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОДНА ЛЕСТНИЦА — РАЗНЫЕ ПУТИ

Сколько вам лет?

Нет, не переживайте. Я не собираюсь выяснять ваш возраст, тем более у женщин. У меня и без этого достаточно возможностей нажить неприятности!

Меня интересует другое. Почему мы так любим измерять человеческую жизнь цифрами? В двадцать лет обязан найти себя, в тридцать — чего-то добиться, в сорок — состояться, а дальше, судя по некоторым разговорам, человеку остаётся только правильно оформить воспоминания. Кто установил этот график? И где расписался каждый из нас, соглашаясь по нему жить?

Я за свою жизнь наблюдал множество людей. Один в

двадцать пять уже отвечает за семью, работает, принимает непростые решения. Другой к сорока ещё ищет дело, которое его действительно заинтересует. Третий в пятьдесят начинает новую профессию. И что теперь — каждому поставить оценку за своевременность? На каком основании?

При этом я не хочу делать вид, что у человеческой жизни вообще нет узнаваемых этапов. Есть детство, взросление, попытки самостоятельности, желание реализоваться, пересмотр прежних представлений. Я для себя даже пробовал мысленно делить путь примерно на двенадцатилетние отрезки. Но сразу предупреждаю: **это моя карта, а не расписание, по которому природа обязана выдавать людям зрелость.** Если кому-то удобно думать иначе — пожалуйста. Мне важен рисунок, а не магия числа.

Когда человек впервые замечает время

В первые годы ребёнок почти полностью погружён в окружающий мир. Учится ходить, говорить, различать людей. Ему объясняют правила, и он обычно принимает их как устройство действительности. Потом появляется «почему?». Потом «я сам». Потом первое желание доказать, что способен на большее. Узнаваемо? По-моему, да.

Но возьмите два школьных класса или даже двоих детей в одной семье. Разве они взрослеют одинаково? Одному уже в двенадцать хочется самостоятельно решать серьёзные вопросы. Другой и в восемнадцать прислушивается к каждому родительскому слову. Я не считаю необходимым объявлять

кого-то правильным, а кого-то отставшим.

Здесь мне снова помогает образ школьного класса. Тридцать учеников слушают одного преподавателя сорок пять минут. А усвоят совершенно разное. И дело не только в способностях. Одному сейчас интересна одна мысль, другому — другая. Третий услышал не то, что намеревался объяснить учитель, зато именно это через двадцать лет вспомнит. А четвёртый ещё не готов к вопросу, который позже окажется для него главным.

Так и с жизнью. Мы можем пройти похожие события, но извлечь из них совершенно разные уроки. Событие одно по названию — поступление, работа, семья, переезд. Содержание у каждого своё. Иногда два человека произносят «я начинал с нуля» и имеют в виду настолько разные вещи, что сравнивать их достижения смешно.

Мне приходилось начинать самостоятельную жизнь после вынужденного расставания с привычным миром. Я оказался в Башкирии, работал грузчиком, потом двигался дальше. Но рядом были люди моего возраста с другой историей. Кто-то оставался дома, кто-то учился, кто-то ухаживал за близкими, кто-то работал в другой сфере. И чей путь был «правильнее»? Почему непременно должен существовать общий победитель?

Знаете, какая ошибка мне здесь видится? Мы очень часто сравниваем видимую точку, совершенно не зная расстояния, которое человек до неё прошёл. Видим его машину, долж-

ность, дом, деньги — а дороги не видим. Как можно оценивать скорость, не зная, откуда человек стартовал?

Широкая лестница

Когда я говорю о лестнице жизни, не представляйте узкий подъезд, где все обязаны наступать на пятки тому, кто идёт впереди. Мне нужна лестница такая широкая, чтобы у каждого была собственная траектория. Один бежит. Другой идёт не спеша. Третий остановился, оглянулся, решил вернуться за чем-то важным. Четвёртый вообще обнаружил другую дорогу.

Вот что я скажу прямо: **я не верю, что ценность человека определяется номером ступеньки, на которой вы его застали.** Не верю — и всё. Потому что слишком хорошо знаю, как по-разному складываются судьбы.

Мне могут возразить: «Но ведь кто-то действительно не стремится ни к чему, теряет возможности, тратит время». Согласен, такое бывает. Не всякая остановка — мудрость. Иногда человек просто боится двигаться дальше. И не надо делать из нерешительности философскую добродетель. Но нельзя и любую паузу считать проигрышем. Возможно, кому-то именно сейчас необходимо подумать, прежде чем сделать следующий шаг.

Я, например, привык решать задачи быстро. Мне бывает трудно наблюдать, как другой человек долго собирается, сомневается. Но если я начну измерять его собственной скоростью, могу не заметить главное: он решает другую задачу.

Для меня трудность — вовремя остановиться. Для него — впервые решиться. Кто из нас дальше продвинулся в своём развитии? Попробуйте ответить одним числом.

Вот почему я не хочу, чтобы моя двенадцатилетняя схема превратилась в очередную инструкцию, по которой станут судить людей. Это условный рисунок, позволяющий заметить движение от обучения к самостоятельности, от самостоятельности к действию, от действия к осмыслению. Но любой человек может возвращаться к прежним вопросам. И это не обязательно движение назад.

На часах семь пятьдесят две

Есть у меня привычка пытаться увидеть происходящее словно в объёме, как в трёхмерной картине. Вот показывают часы: семь часов пятьдесят две минуты. В одном городе человек завтракает, другой садится за руль, третий только вернулся с ночной смены. В другой части света сейчас вечер, и люди заняты совсем иным. А где-то два человека одновременно жарят яичницу: один к завтраку, другой к ужину!

Время одно и то же, а жизнь происходит совершенно разная. Меня это всегда забавляет и заставляет думать. Мы произносим «в семь пятьдесят две» так, будто этим что-то сказали о жизни человека. А ведь не сказали почти ничего. Не знаем, что он чувствует, чего ждёт, что у него случилось вчера, что предстоит завтра.

С возрастом, по-моему, происходит нечто похожее. «Ему пятьдесят два» — и что? Он счастлив? Переживает? Начина-

ет новый этап? Оставил прежнюю работу? Влюбился? Впервые написал книгу? Одной цифрой не объяснишь.

Но и отрицать время глупо. Время действительно меняет наши возможности. Какие-то дороги закрываются, другие открываются. Силы не бесконечны. Есть решения, которые лучше принимать вовремя. И я не буду убеждать вас, что в шестьдесят можно буквально всё то же, что в двадцать. Скажу другое: **не следует путать возраст с приговором.** Бывают возможности, которых молодой человек ещё даже не замечает, а зрелый уже умеет ими пользоваться.

Я давно пытаюсь определить, как понять, что дело действительно твоё. И пришёл к двум почти детским словам: **«Хочется и получается».** Хочется — не потому, что заставили, не потому, что все вокруг считают это престижным. А потому, что тебя самого тянет к делу. Получается — потому, что ты вкладываешься, учишься и однажды видишь результат. Иногда сначала только хочется, а получается плохо. Ну и что? Разве ребёнок сразу научился ходить, как только захотел встать?

Мне кажется, здесь есть несколько ступеней радости. Сначала ты сам получаешь удовольствие от процесса. Потом обнаруживаешь: то, что ты делаешь, нужно другим. Твой труд помогает, его покупают, за него благодарят — можно ещё и жить за счёт любимого дела. А потом, бывает, приходит мастерство, от которого самому хочется сказать: «Ну блин, вот это я сделал!» Только последнюю ступень не надо превра-

щать в зависимость от чужих аплодисментов. Сегодня тебя признали лучшим, завтра найдётся кто-нибудь талантливее. **Твоё дело от этого перестанет быть твоим?**

И потому я не считаю, что каждый обязан непременно заняться любимым делом уже завтра. Человеку надо кормить семью, исполнять обязательства. Бывает, приходится работать там, где платят, а не там, где душа поёт. Но я хочу, чтобы мы хотя бы не забывали спросить себя: **к чему меня действительно тянет, даже когда за это никто не обещает награды?** Иногда именно с такого вопроса начинается перемена жизни.

Когда-то мне важно было показать, как много я способен сделать. Сегодня всё сильнее интересует то, ради чего я это делаю. Я не стал менее живым от того, что поменялись вопросы. Скорее наоборот: начал замечать то, мимо чего раньше пробегал.

Кому вы сдаёте этот экзамен?

Иногда я слушаю людей, которые рассказывают о чужих достижениях. Один говорит: «В его годы я уже...» И дальше следует длинный список собственности, должностей и заслуг. Я невольно спрашиваю: а вы уверены, что этот человек вообще хотел пройти вашу дорогу? Вы сделали одно, он — другое. И почему его жизнь должна быть неудачной только потому, что не похожа на вашу?

Здесь у меня есть твёрдое убеждение: **нельзя прожить чужую жизнь как образец и потребовать с другого от-**

чёта за несовпадение. Ни родители, ни соседи, ни друзья, ни общество не располагают единым списком достижений, обязательным для всех. Обязанности перед другими существуют, конечно. Но это совсем не то же самое, что обязанность исполнить чужую мечту о твоей биографии.

Вместе с тем я не хочу превращать эту мысль в оправдание бесконечного откладывания. Можно годами говорить себе: «Моё время ещё придёт». А потом обнаружить, что время всё это время шло. У каждого свой путь — да. Но идти по нему за тебя никто не обязан.

И здесь я замечаю один забавный парадокс. Сначала человек всеми силами старается быстрее подняться по своей лестнице. Ему кажется: вот достигну следующей ступени — наконец начну жить. Достиг. А там новая ступень. И ещё одна. И ещё. А жизнь всё время где-то потом.

Я знаю это состояние. В предпринимательстве всегда найдётся следующая задача, следующий срок, следующий проект. Кажется, ещё чуть-чуть поднажать — и всё устроится. Только жизнь не согласна ждать, пока ты закончишь все дела. Она уже идёт.

И тут мне вспоминается одна фраза, сказанная на стройке в 2004 году. Я тогда торопил людей, стремился поскорее завершить пристройку к магазину, а бригадир вдруг сказал: «Не торопи, пожалуйста, время».

Признаюсь, в тот момент мне гораздо интереснее было закончить строительство, чем исследовать философский

смысл его слов. Но спустя годы фраза оказалась удивительно живучей. Почему? Потому что затронула не мой рабочий график, а сам способ проживать собственную жизнь.

И вот теперь, глядя на эту широкую лестницу, я всё чаще спрашиваю: если я быстро преодолел много ступеней, но почти не заметил дороги, это точно победа?

Ступени — не жизнь. Жизнь происходит, пока ты по ним идёшь.

А раз так, пора поговорить о времени. Не о часах на стене, а о том, как мы его чувствуем, зачем торопим и почему иногда совсем не умеем быть там, где находимся.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. НЕ ТОРОПИ ВРЕМЯ

«Рафаел Беникович, не торопи, пожалуйста, время».

Эту фразу мне сказал в 2004 году бригадир Александр Шаталин. Мы строили пристройку к магазину. Мне тридцать лет, дел невпроворот, каждый день хочется завершить ещё больше. А он мне про время!

Вы представляете состояние человека, который строит, организует, рассчитывает сроки, и вдруг слышит такое? Мне тогда хотелось не время обсуждать, а чтобы работа шла быстрее. От котлована до начала эксплуатации прошло примерно пять месяцев. Неплохой результат. Но какой ценой для моего внутреннего состояния — вот об этом я почти не думал.

Шаталин сказал. Я ненадолго задумался. И опять побежал по делам. Фраза осталась со мной, а смысл стал догонять гораздо позже. Вот ведь интересно: иногда человек произно-

сит несколько слов, а они начинают по-настоящему работать в тебе спустя двадцать лет.

Сегодня я бы ответил ему иначе. Не потому, что стал противником быстрой работы. Скорость иногда необходима. А потому, что наконец различаю две вещи: ускорить выполнение дела и пытаться ускорить само время.

Работу ускорить можно. Время — нет. Можно организовать людей, найти способ, сократить лишние действия. Это я с детства люблю, ещё с тех самых лопат. Но минуту длиннее или короче ты не сделаешь, как бы ни раздражался. И пока ты сражаешься с часами, эта минута всё равно остаётся минутой твоей жизни.

Что случилось с моим «потом»?

Знакомо вам это состояние? «Вот сейчас закончу проект. Вот расплачусь по обязательствам. Вот построю, заработаю, устрою — а потом поживу». Прекрасный план. Только у жизни есть привычка подсовывать новые задачи именно тогда, когда ты закрыл предыдущие.

Я не раз так жил. Заканчивается одна работа — появляется другая. Решил одну проблему — надо заниматься следующей. И это естественно для человека, который ведёт дело. Никто не может каждое утро объявлять миру: «Извините, у меня сегодня день исключительно для радости». Есть обязанности, люди, договоры, ответственность.

Но в какой-то момент я поймал себя на совершенно неприятной мысли: а не получается ли, что я откладываю са-

му жизнь на время после работы? А когда это время наступит? Когда закончатся все задачи? Да они никогда не закончатся!

Вот что меня не устраивает. Не труд, не движение, не планы. Меня не устраивает идея, что радость положена человеку только в награду за окончание обязательств. **Я не хочу всю жизнь готовиться жить. Я хочу жить, пока работаю, думаю, стремлюсь, ошибаюсь, учусь.**

Это не красивая фраза ради обложки. Это моё настоящее убеждение. Я пришёл к нему не от безделья, а, наоборот, после множества лет постоянной занятости.

Вспомните мальчишку с фонариком под одеялом. Кто обещал ему премию за прочитанную книгу? Никто. А он не мог оторваться. Почему? Потому что ему нравился сам процесс. Я и сейчас способен часами обсуждать философию, сравнивать мысли, искать ответы. Тоже работа, между прочим, иногда довольно напряжённая. Но я не считаю секунды до её окончания. Мне интересно.

И вот я однажды спросил себя: почему бы не стараться выстраивать таким образом и остальную деятельность? Не превращать каждую задачу в наказание, за которым когда-нибудь начнётся настоящая жизнь. Найти дело, в котором есть смысл и удовольствие от самого движения.

Конечно, и любимое дело утомляет. Физический отдых необходим, неприятные обязанности никуда не исчезают. Я не собираюсь убеждать человека после тяжёлой смены, что

ему просто не хватает правильного мировоззрения. Но ведь разница между работой, которую ненавидишь, и делом, к которому тянет, огромная. Не надо притворяться, будто это одно и то же.

Оркестр, которому всё время мешают

Мне иногда хочется представить Землю огромным оркестром. Миллиарды людей, множество инструментов. Кто-то строит дома, кто-то выращивает хлеб, кто-то лечит, кто-то учит, кто-то пишет музыку. И каждый нужен не потому, что играет лучше всех, а потому, что без разных партий общего звучания просто не будет.

Представьте концерт, где всем музыкантам выдали барабаны. Особенно обрадуются, наверное, те, кто пришёл слушать скрипку! Нет, я очень уважаю барабаны, но даже им полезно иногда давать звучать другим.

Здесь я, как бывший руководитель, вижу знакомую проблему. Один привык работать быстро, другой — обстоятельно. Один сразу берётся за дело, другой сначала проверяет каждую деталь. И оба могут раздражаться из-за чужого темпа. Мне-то самому хотелось быстрее. Я мог подгонять людей, не всегда замечая, что у другого способ работы иной.

Но важно ещё кое-что. Плохой руководитель не тот, кто устанавливает срок. Без сроков большое дело часто развалится. Плох тот, кто принимает собственное нетерпение за объективный закон времени. Если можно ускорить процесс разумно — ускоряй. Если требуется дать работе созреть —

не пытайся криком отменить необходимые этапы.

Вот я теперь думаю: оркестр не станет лучше от того, что дирижёр начнёт просто быстрее махать руками. Музыканты должны слышать друг друга. И каждый в определённый момент обязан войти точно, а не тогда, когда ему захотелось покрасоваться. Свобода партии и ответственность перед общим звучанием не исключают друг друга.

А кто дирижёр у огромного человеческого оркестра? Это отдельный вопрос. Кто-то скажет — Творец, кто-то — природа, кто-то не согласится с самой метафорой. Я не стану сейчас доказывать наличие невидимой дирижёрской палочки. Мне интереснее понять, почему мы так часто забываем слышать друг друга, когда каждый увлечён собственной партией.

Остановиться — не сдаться

На этом месте наверняка появится человек и скажет: «Рафаел, слушай, у тебя всё красиво получается. Не торопись, получай удовольствие, смотри на цветочки. А кто работать будет?»

Дорогой мой, я как раз об этом и говорю: работать надо! И цели ставить надо. И обещания выполнять. Я не предлагаю человеку лечь в гамак и объявить себя философом.

Я говорю о другом: **скорость без выбранного направления — не достижение.** Можно бежать очень быстро совершенно не туда. Можно медленнее, но понимать, ради чего идёшь. А можно так увлечься гонкой, что перестанешь за-

мечать, зачем вообще в ней участвуешь.

Когда-то я чаще спрашивал себя: «Чего ещё могу добиться?» Сегодня важнее второй вопрос: «А зачем мне именно это?» Разница кажется небольшой, пока не начинаешь принимать решения. Могу открыть ещё одно дело — но хочу ли снова платить за него прежним ритмом? Могу взяться за лишнюю задачу — но что тогда останется для действительно важного? Могу заставить себя продолжать — а что, если пришло время выбрать другое?

И вот здесь слово «отдых» для меня тоже меняет смысл. Конечно, я не отказываюсь от сна и необходимого покоя. Но мне хочется, чтобы отдых от внутреннего напряжения появлялся не исключительно после работы, а прямо внутри любимого занятия. Я могу увлечённо думать, писать, разговаривать и не чувствовать себя человеком, который вычёркивает часы до отпуска.

Хотите посмеяться? Я даже начал иногда бояться, что достигну внутренней гармонии — и мне станет скучно. Всю жизнь двигался, решал задачи, спорил. И вдруг — спокойствие! Что делать-то?

Потом сам себе отвечаю: «Рафаел, дорогой, у тебя что, вопросы закончились?» Да ничего подобного. Чем больше читаю и размышляю, тем больше нахожу того, чего не знаю. История, религии, философия, отношения между людьми, устройство человеческого мышления — тут и нескольких жизней мало. Поэтому мне не надо специально создавать се-

бе войну, чтобы жизнь оставалась интересной.

Не торопи время — торопись жить

Здесь я должен объяснить одну вещь, иначе читатель неправильно поймёт Шаталина и меня вместе с ним. «Не торопи время» вовсе не означает «ничего не делай». Я бы даже сформулировал наоборот: не трать данное время на бессмысленную войну с ним. Делай то, что считаешь нужным. Но осознавай: ты живёшь уже сейчас, а не после последнего выполненного плана.

Мне нравится работать, создавать, изучать, разговаривать. Я не хочу стать человеком, который просто наблюдает со стороны, как проходят годы. Но и не хочу, чтобы десятилетия моей жизни превратились в одну бесконечную команду: «Быстрее!»

В 2004-м я главным образом видел строительную задачу. Сегодня вижу и человека, который стоял на этой стройке. Молодого, настойчивого, нетерпеливого. Не стану ругать его за то, что хотел быстрее закончить. Он многое сделал. Но если бы можно было сказать ему одну фразу, я повторил бы услышанное тогда: «Не торопи время».

А следом добавил бы от себя: «И не откладывай жизнь».

Время нельзя накопить на складе, чтобы однажды начать им пользоваться. Оно расходуется вместе с нами. И каждую минуту мы не только движемся к цели, но и проживаем часть своего существования.

Вот почему сегодня мне всё чаще хочется не победить

время, а научиться быть в нём. И тут обнаруживается занятное обстоятельство. Внутри меня словно есть два участника этой истории. Один по привычке рассчитывает, торопится, требует. Другой вдруг спрашивает: «Слушай, дорогой, а тебе самому хорошо?»

Долгое время я давал право голоса почти исключительно первому. Потом захотелось выслушать второго. И знаете, что оказалось? Они оба — я. Только с дорогой у них совершенно разные отношения.

Об этой паре я вам сейчас расскажу. Хорошо хоть, водительских удостоверений у них два, а автомобиль один!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ДВА ВОДИТЕЛЯ

У меня в голове два водителя.

Вы только не спешите вызывать врачей! С головой у меня, насколько я сам могу судить, всё в порядке. Это образ. Хотя, если бы кто-нибудь однажды услышал все разговоры, которые человек ведёт сам с собой, он бы, наверное, здорово удивился.

Представьте автомобиль. Один водитель уже проложил маршрут, рассчитал время, расходы, остановки. Всё предусмотрел. Если впереди сложный участок — заранее подумает, как пройти. Он не любит сюрпризов и считает, что чем больше удалось рассчитать, тем надёжнее поездка.

А рядом сидит другой. Смотрит в окно. Видит деревья, горы, людей, облака. Иногда молчит, а потом неожиданно спрашивает: «Слушай, а тебе вообще нравится, куда мы

едем?»

Первый в недоумении: «Как это — нравится? Мы же договорились! Маршрут утверждён, расходы посчитаны!»

А второй отвечает: «Я не о маршруте. Я о жизни».

И вот с этими двумя я знаком уже много лет. Самое смешное — автомобиль один и оба водителя носят моё имя.

Актёр и зритель

Когда мне было примерно девять-десять лет, я прочитал роман Генрика Сенкевича «Без догмата». Представляете, чем интересовался мальчишка? Я сам иногда удивляюсь. Из той книги у меня в памяти остался образ: человек словно одновременно актёр собственной жизни и её зритель. Я не берусь цитировать текст дословно — столько времени прошло. Говорю о мысли, которая тогда во мне застряла.

Один действует, другой наблюдает. И иногда зритель недоволен актёром.

Мне это стало особенно понятно гораздо позже. Вот ты рассердился и резко ответил кому-нибудь. Ответил-то сам. А внутри уже будто звучит вопрос: «Зачем ты так? Можно же было иначе». Или, наоборот, сделал что-то хорошее и чувствуешь спокойную радость. Не потому, что тебя похвалили, а потому, что сам доволен поступком.

Не нужно представлять двух существ, живущих в одной голове. Я не рассказываю о раздвоении личности. Я говорю о знакомом мне способе переживать собственную жизнь: действовать и одновременно оценивать свои действия. И чем

дольше живу, тем важнее для меня становится этот внутренний наблюдатель.

В детстве я не мог объяснить, почему образ запомнился. А теперь думаю: возможно, потому, что он даёт право смотреть на себя не только как на исполнителя дел, но и как на человека, который проживает их последствия.

Первый: «Начинай с конца»

Первый мой водитель — работяга. Упрямый. Любит расчёт. Когда-то один из старших наставников посоветовал мне: «Что бы ни делать, начинай с конца». Я принял это правило и долго считал одним из самых полезных.

Хочешь открыть предприятие? Сначала представь результат. Где возьмёшь деньги? Как наладишь поставки? Что станешь делать, если обстоятельства изменятся? Перед кем будешь отвечать? Кто будет работать рядом? Недостаточно сказать «хочу». Нужно представить, что понадобится, чтобы получилось.

С таким подходом я прошёл путь от грузчика до собственного дела. И не собираюсь сегодня рассказывать, будто первый водитель всё делал неправильно. Да ничего подобного! Он много работал, принимал решения, умел собираться в трудный момент. И если бы я тогда целыми днями только прислушивался к внутренним ощущениям, интересно, кто бы выполнял мои обязательства?

Но у этого водителя была одна слабость. Он настолько любил добиваться, что постепенно начал считать всякую но-

вую задачу почти приказом к исполнению. Можешь сделать? Значит, берись. Есть возможность заработать больше? Не упускай. Видишь препятствие? Преодолевай. Пока один проект не закончен, он уже строит маршрут к следующему.

Знакомый человек. Я его хорошо знаю. Это я сам.

Беда не в том, что он умеет вести машину. Беда начинается тогда, когда он забывает спросить, ради чего именно едет. Ведь маршрут может быть безупречно рассчитан и при этом тебе самому больше не нужен.

Второй: «А ты сам-то где?»

Я не могу сказать, в какой день второй водитель впервые заговорил. Он, вероятно, и раньше подавал голос, но я редко его слушал. Первый слишком громко объяснял, сколько у нас ещё дел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.